

Гигиена смысла

Дмитрий Правдин

Дмитрий Правдин

Гигиена смысла

«Автор»

2026

Правдин Д.

Гигиена смысла / Д. Правдин — «Автор», 2026

В мире Гармонии нет насилия, есть только забота. Тревожные смыслы подлежат «санации», а цензоров называют санитарями. Алексей — образцовый специалист, искренне верящий, что очищает общество от хаоса прошлого, даря людям спасительную тишину. Но его безупречная рутина рушится, когда на стол ложится объект по протоколу Ω-7: единственный уцелевший бумажный экземпляр книги, которую он тайно читал двадцать лет назад. «Гигиена смысла» — не классическая антиутопия о бунте, а глубокая психологическая драма о человеке, добровольно выбравшем клетку ради спокойствия. Что происходит, когда долг требует уничтожить единственное, что делает тебя живым? Роман исследует природу внутренней свободы и то, как искусство оставляет в душе трещину, сквозь которую прорывается свет, даже когда все книги сожжены.

© Правдин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Протокол утренней тишины	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Правдин

Гигиена смысла

Пролог

Выдержка из «Хартии когнитивной безопасности», Преамбула. Утверждено Советом Гармонии, Год 12-й после Тишины.

«Эпоха Шума была эпохой неизлечимой болезни. Человечество, получив доступ к бесконечному потоку противоречивых смыслов, утратило иммунитет к реальности. Множественность истин не обогатила сознание, но расщепила его. Слово перестало быть инструментом связи и стало патогеном, вызывающим экзистенциальную лихорадку, паралич воли и хроническое отчуждение. Мы не наказываем за инакомыслие. Мы лечим от него. Гигиена смысла — это не цензура, но акт высшей эмпатии. Изымая токсичные нарративы, мы не лишаем человека свободы; мы освобождаем его от бремени бесконечного, разрушительного выбора. Мы возвращаем ему право на спокойное присутствие в мире, который больше не требует оправдания. Каждый несанкционированный текст — это открытая рана в теле коллективного сознания. Задача Санитара — не карать, но исцелять. Закрывать рану. Вернуть тишину. Ибо только в очищенном пространстве возможно подлинное бытие».

Глава 1. Протокол утренней тишины

Алексей проснулся не от звука будильника, а от мягкого, нарастающего свечения панели на стене. Свет имитировал рассвет над лесной опушкой — биологически выверенный спектр, стимулирующий естественную выработку кортизола без стрессовой нагрузки на надпочечники. Система заботилась о том, чтобы пробуждение каждого гражданина было оптимальным для продуктивности и эмоционального равновесия.

Он лежал неподвижно, позволяя датчикам в матрасе считать фазу сна, частоту дыхания и вариабельность сердечного ритма. Через три секунды панель мигнула зелёным: показатели в норме. Сон был глубоким, восстановительным, лишённым тревожных сновидений. Алексей знал, что это не случайность. Вчерашний вечерний протокол релаксации включал акустическую коррекцию и световую терапию, направленную на подавление остаточных когнитивных напряжений. Система знала, что ему нужно, раньше, чем он сам осознавал потребность.

Это было не ограничение. Это была свобода от необходимости выбирать, как именно восстанавливаться. Свобода от ошибок, от бессонницы, от утренней разбитости, которая когда-то, в хаотичную эпоху до Гармонии, считалась нормой жизни.

Алексей поднялся. Тело послушно отзывалось на каждое движение. Сорок два года, индекс здоровья 94/100, профессиональная пригодность — высшая категория. Он подошёл к зеркалу в санузле. Из отражения на него смотрел человек с лицом, которое трудно было назвать красивым или некрасивым; оно было *правильным*. Спокойные черты, ясный взгляд, отсутствие следов хронического стресса или недосыпа. Лицо человека, чья жизнь полностью соответствует предназначенной ему функции.

Функция Алексея заключалась в гигиене смысла.

Он работал в Департаменте культурной стабилизации. Официальная должность звучала как «старший специалист по верификации исторических нарративов». Неофициально, в узком кругу коллег, их называли санитарами. Не потому, что они убирали грязь. А потому, что они поддерживали чистоту. Чистоту информационного пространства. Чистоту коллективной памяти. Чистоту смыслов, на которых держалось общество.

В мире, где информация стала токсичной средой, способной разрушать психику быстрее любого вируса, гигиена была не наказанием. Она была актом любви. Защитой. Заботой о тех, кто не имел иммунитета к хаосу прошлого.

Алексей принял душ. Вода была идеальной температуры, давление — рассчитанным на снятие мышечных зажимов. Он оделся в стандартную рабочую форму: светло-серая рубашка из терморегулирующей ткани, тёмные брюки, мягкие ботинки, не издающие шагов. Одежда не стесняла, не привлекала внимания, не требовала выбора. Она была продолжением среды, такой же нейтральной и функциональной, как стены его квартиры.

Завтрак состоял из нутриентного комплекса, адаптированного под его текущие метаболические потребности. Вкус был приятным, но не вызывающим. Еда не должна была становиться объектом желания, отвлекающим от более важных форм удовлетворения. Алексей ел медленно, осознанно, чувствуя благодарность к системе, которая освободила его от вечной человеческой проблемы: что есть, когда есть и сколько есть.

В 7:45 он вышел из дома. Улица встретила его тихим гулом электротранспорта и ровным светом умных фонарей, подстраивающих яркость под плотность пешеходного потока. Люди вокруг двигались с той же спокойной целесообразностью, что и он. Никто не спешил, не толкался, не кричал. Никто не смотрел в экраны персональных устройств, потому что персональные устройства были интегрированы в среду и активировались только по необходимости. Информация приходила тогда, когда она нужна, и исчезала, когда её функция была выполнена.

Это был мир, победивший шум. Мир, в котором смысл больше не искался в хаосе противоречивых голосов, а *поддерживался* как общественное благо. Мир, в котором свобода означала не право на ошибку, а освобождение от бремени ошибаться.

Алексей шёл по улице и чувствовал, как среда принимает его. Как воздух, свет, звуки, ритм движения — всё подтверждает правильность его существования. Он был частью этого мира. Не жертвой. Не винтиком. *Частью*. Организмом, выполняющим свою функцию в здоровом теле общества.

И всё же, где-то в глубине, под слоем благодарности и уверенности, жила трещина.

Она не болела. Она просто *была*. Как фантомная конечность. Как память о вкусе, который больше не существует. Как знание, которое нельзя ни использовать, ни забыть.

Алексей не думал о трещине. Он знал, что думать о ней — значит нарушать гигиену собственного сознания. Он просто шёл. Дышал. Был частью.

Департамент культурной стабилизации занимал здание бывшей библиотеки, перестроенное в соответствии с принципами нейроархитектуры. Высокие потолки, рассеянный свет, акустика, поглощающая эхо и создающая ощущение защищённой тишины. Никаких острых углов. Никаких агрессивных цветов. Пространство, которое само по себе успокаивало, настраивало, выравнивало.

Алексей прошёл через зону идентификации. Система узнала его по походке, тепловому сигнатуре и микровыражениям лица. Двери открылись бесшумно. Лифт доставил его на четвёртый этаж, в сектор верификации печатных носителей.

Рабочее место Алексея представляло собой стол из матового композита, кресло с адаптивной поддержкой позвоночника и терминал доступа к Архиву. На столе не было ничего лишнего. Никаких личных вещей. Личное было в другом месте — в приватном секторе квартиры, в разрешённых формах досуга, в общении с одобренными людьми. Здесь, на работе, личное было помехой. Помехой, которую гигиена смысла устраняла.

Алексей сел. Кресло обняло его тело. Терминал ожил, показав список задач на день. Семнадцать единиц верификации. Стандартная нагрузка. Каждая единица — текст, изображение или артефакт, требующий оценки на предмет когнитивной безопасности, исторической достоверности и соответствия текущим протоколам Гармонии.

Он начал работу.

Первая единица: рекламный плакат начала XXI века. Яркие цвета, агрессивные шрифты, призыв к потреблению товара, не имеющего отношения к базовым потребностям. Оценка: высокий уровень манипулятивного потенциала, стимуляция дефицитарного мышления, нарушение принципов устойчивого удовлетворения. Рекомендация: цифровая санация с сохранением структурных элементов для архива патологий.

Алексей подтвердил рекомендацию одним касанием. Плакат исчез с экрана, переместившись в защищённый сегмент Архива, доступный только специалистам с допуском уровня «аналитика патологий». Для общего доступа он больше не существовал. Не потому, что его запретили. А потому, что его *вылечили*. Его токсичность была нейтрализована, его смысл — перекодирован из призыва в объект изучения.

Вторая единица: фрагмент личного дневника, датированный 2030-ми годами. Эмоционально нестабильный текст, содержащий признаки депрессивного расстройства, экзистенциальной тревоги и критики социальных институтов того периода. Оценка: риск эмпатической контаминации, романтизация страдания, нормализация дисфункциональных состояний. Рекомендация: полная санация с экстракцией фактологических данных.

Алексей колебался ровно 0,8 секунды. Система зафиксировала микропаузу, но не подала сигнал тревоги: допустимое отклонение в рамках профессиональной рефлексии. Он подтвердил рекомендацию. Дневник растворился. Остался сухой остаток фактов: даты, имена, события. Боль, стоявшая за словами, была удалена как ненужный шум.

Третья. Четвёртая. Пятая.

Работа текла ровно. Руки двигались автоматически. Сознание находилось в состоянии профессиональной ясности — том самом состоянии, ради которого он и выбрал эту профессию. Ясности, в которой нет сомнений, потому что критерии очевидны. Ясности, в которой нет вины, потому что действие направлено на благо. Ясности, в которой нет одиночества, потому что каждый санитар выполняет свою часть общего дела.

Алексей любил эту ясность. Любил так, как можно любить только то, что спасло тебя от хаоса. Он помнил время до Гармонии. Помнил информационный потоп, в котором тонуло его поколение. Помнил парализующую невозможность отличить правду от лжи, важное от шума, себя от навязанного образа. Помнил тревогу, которая была не симптомом, а *нормой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.